

От составителей

Предлагаемый читателю сборник статей различных авторов составлен на основе радиопередач, проводившихся в 2003 – 2005 годах преподавателями-лингвистами ЧГПУ, ЮУрГУ, а также сотрудниками Центра культуры речи ЧГПУ.

Сквозной темой бесед является вопрос об использовании иноязычной лексики в русском языке. Это большой вопрос сегодняшнего переломного времени, об этом уже много писали на страницах печати. 2007 год был объявлен Годом русского языка, и это не случайно. «Смысл этого решения состоит в том, чтобы изменить в лучшую сторону отношение к русскому языку в России, чтобы он стал предметом заботы и государства, и общества, чтобы речевая культура, в том числе и культура письменной речи, стала выше» (Тарланов З. К. // Русская речь. 2007. № 4).

Язык – это связующая сила, которая объединяет народы разных национальностей, населяющих Россию, это основа нашей культуры. Внимание к русскому языку связано с возрастанием места России в современном мире, в этом внимании проявляется стремление создать условия для сохранения русского языка во всей его чистоте и силе.

Беседы об использовании иноязычной лексики содержат не только интересные факты из истории, этимологии, сферы употребления заимствованных слов, но и рекомендации по культуре речи. В этом смысле данная книга является практическим шагом для реализации государственной политики по поддержанию русского языка как государственного языка России.

Составители сборника посчитали нужным сохранить стилистику и индивидуальные особенности каждой беседы – в сборнике приняли участие 14 преподавателей и сотрудников: д-р филол. наук А. А. Горбачевский (беседа 16); кандидаты филол. наук М. В. Биньковская (беседы 7, 21, 22), О. В. Бояр-

ская, (31, 36), Т. Н. Кабанова (34), И. П. Кирсанова (5, 20, 33), О. В. Куныгина (12), А. А. Миронова (23, 31, 36), Е. В. Омельченко (30), О. С. Савельева (35), Г. С. Стругова (15); канд. пед. наук Н. М. Товстуха (37); ст. препод. М. А. Зайкова (8, 9, 11, 26–29); сотрудники Центра культуры речи Л. М. Бочкова (1–4, 14, 17–19, Вместо заключения), Е. М. Сапегина (6, 10, 13, 24, 25, 32).

I

ИЗ-ЗА ЧЕГО СЫР-БОР, или ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ЧИСТОТУ РУССКОГО ЯЗЫКА

Беседа 1. Сегодняшний взгляд на проблему

Дорогой читатель!

Темой нашей книги, которую мы предлагаем всем изучающим и любящим наш родной язык, будет тема иноязычных слов в русском языке, и в ней будет рассмотрена история проникновения в русский язык иностранных слов различного происхождения и различной географии, а также причины этого факта. Постараемся ответить на вопрос, хорошо это или плохо — заимствованные слова, засоряют они наш родной язык и постепенно, тихой сапой уничтожают его изнутри или, внедрившись в него и приобретя все признаки русского, а следовательно, утратив свои, национальные признаки, становятся истинно русскими и способствуют, наоборот, обогащению и расширению русского словарного фонда. Иными словами, **пленники** они наши или **захватчики** — эти иностранные слова?

Государственной думой России в феврале 2003 года был принят во втором чтении Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». Ажиотаж и шум вокруг этого факта поднялся невообразимый: дискуссии на страницах журналов и газет, на телевидении и радио, разного рода реплики, обсуждения в коридорах власти и академических институтах, среди специалистов-лингвистов и простого населения.

Особо горячие споры вызвало требование в отношении правильного произношения, ударения, употребления слов, а также в отношении допустимости использования вульгаризмов, жаргонных словечек, засорения языка так называемой ненормативной лексикой. В этом же ряду, то есть в отношении соблюдения норм русского языка, сохранения его чистоты, стоит и вопрос использования в нашей речи иностранных слов. Вокруг этого битва разыгралась не на щутку. Газеты запестрели заголовками: «Язык, который мы потеряли», «Язык твой — враг твой?», «Покушение на русский язык», «Схватка над буквами» и т. д.

Участники битвы разошлись по трём направлениям.

Правый край — это авторы законопроекта и их сторонники, которые считают, что русский язык нуждается в защите, что покушение на его независимость и чистоту составляет угрозу российской государственности, что каждая нация должна стоять на страже интересов своего национального языка, как это поняли французы и поэтому приняли Закон о французском языке — очень жёсткий: за несанкционированное использование английского языка в рекламе или вывеске — штраф от 5 до 25 тысяч франков, а у нас в Москве памятник Пушкину стоит в окружении аршинных рекламных надписей на английском языке: SAMSUNG, MACDONALDS, DAEWOO, MOSCOW NEWS. Нам тоже нужен закон. Нужно вводить и у нас ответственность — уголовную, гражданскую, административную — за нарушение норм русского языка.

Левый край — здесь по иронии судьбы очутились представители Союза **правых** сил, фракция «Яблоко», разные специалисты, в том числе и филологи, журналисты, общественные деятели. Они заявляют: «Знают ли наши коллеги-депутаты, ратующие в Законе об исключении иностранных слов из государственного обихода, что нет литературного языка без заимствований? Многие иностранные слова уже давно живут в нашем языке. А с «мокроступами» (так предлагал заменить иностранное слово «галоши» поборник чистоты русского языка Шишков), «водоскоками» (фонтанами) и «мироколицей» (космосом) ещё Пушкин боролся. Так что не лишайте меня «принтера», «компьютера», «телефона» и, главное, «бутерброда». Нужен не закон, а воспитание хорошего вкуса, языковой культуры, для чего надо повысить зарплату учителям. Язык сам разберётся, что ему принять, а что отбросить, поэтому не надо бояться иностранных слов.

И, как всегда, третье направление — это разумный, осторожный **центр**. Безусловно, говорят они, существует угроза русскому языку. В последнее время над нами нависла серьезная опасность: в орфографию вторгается латинская азбука в американском ее варианте. В СМИ, выступлениях политиков соседствуют исконно русская лексика, в том числе вульгаризмы, оскорбительные нецензурные выражения, и заполонившие без удержу нашу речь новые иностранные слова, о которых

совсем недавно никто и не слышал. Однако было бы глупо ограничивать употребление ругательных или иностранных слов законодательно. Можно ли нам брать пример с Франции — законопослушной страны? Ведь мы, мягко говоря, страна не очень законопослушная. Как бы не было противоположного эффекта! Не лучше ли создать консультативные советы, которые бы следили за лексикой в печати, рекомендовали бы употреблять русское слово, когда есть возможность выбора. Но штрафы?! Тут нужно очень осторожно.

Здесь вспоминаются герои райкинской миниатюры, когда в дискуссии по вопросам воспитания подростков один участник предлагает драть детей как сидорову козу, а другой возражает: «Мягше, мне каэтся, надо, мягше. Ну написал ребенок на заборе не то слово, какое нам всем бы хотелось, ну... Мягше, мне каэтся ... мне так каэтся».

А давайте обратимся к самому документу, к тем его пунктам, которые вызвали активное сопротивление. Ст. 15, п. 3: «В средствах массовой информации, предназначенных для широкой аудитории, в публичных выступлениях **сквернословие, употребление вульгарных, бранных слов и выражений, унижающих человеческое достоинство**, не допускается». Ст. 23, абзац 2: «Современную языковую ситуацию характеризует интернационализация терминологии, связанная с НТР. За последнее время в русском языке появилось немало иностранных слов и терминов интернационального характера, которые его, в известной мере, обогатили. Вместе с тем наблюдается неоправданное заимствование иноязычных слов и терминов, засоряющих и обедняющих русскую речь, несмотря на имеющиеся в русском языке логические соответствия». Так что никто не запрещает иностранные слова вообще. И потом — ведь эти требования касаются официальных сфер общественной жизни и не распространяются на межличностные, неофициальные отношения. Но поскольку предусматривалась ответственность за нарушения, общественность была возбуждена, предрекали появление *лингвистической полиции, филологов в штатском*.

Да и теперь, когда Закон прошёл Федеральное собрание и утверждён Президентом страны, разговоры по этому вопросу не прекращаются, споры продолжаются. Так что битва в раз-

таре, битва — в пути. И всегда была в пути: борьба за чистоту русского языка началась ещё в XVIII в., и по этому вопросу разные писатели и разные лингвисты имели разные точки зрения. Об этом — в следующей беседе.

Беседа 2. «Впредь реляции свои ... писать российским языком...»

Известно, что в русском обществе отношение к заимствованным словам вызывало горячие споры с исторических времён, с того самого времени, когда русский язык только еще вставал на ноги и, происходя от славянских корней, становился самостоятельным национальным языком. Ведь было время, когда приходилось добиваться признания русского языка и иностранцами, и высшими русскими сословиями, ведь на нём чаще всего говорили только простые люди, не имевшие возможности изучать иностранные языки.

В поднятии престижа русского языка, в признании его языком науки и искусства неоценима заслуга Михаила Васильевича Ломоносова. Он добился того, чтобы в созданном им университете лекции читались и на русском языке. А вообще в России преподавали учёные из-за границы — и на латинском и немецком языках. Русских профессоров было всего двое. Первую лекцию по философии на русском языке перед студентами в Московском университете в 1755 году прочёл ученик Ломоносова профессор Поповский, начав ее словами: «Прежде философия говорила с греками; из Греции её переменили римляне; она (философия) римский язык переняла весьма в короткое время и несметною красотою рассуждала по-римски, как задолго прежде по-гречески. Не можем ли и мы ожидать подобного успеха в философии, какой получили римляне?.. Что же касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-российски изъяснить было невозможно... Итак, с Божиим поспешествованием, начнём философию не так, чтобы разумел один во всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый, российский язык разумеющий, мог удобно ею пользоваться».

Так было положено начало русскому языку в просвещении и науке. Со стороны многих, особенно профессоров-иностраницев, было недовольство. Спор тянулся свыше 10 лет — достойно ли читать лекции на русском языке? И только в 1767 году Екатерина II официально разрешила читать лекции на русском языке.

Постепенно вырисовывалась и другая задача — упорядочить русский язык, освободить его, с одной стороны, от тяжёлых и сложных старославянизмов и церковно-славянских слов, уже становившихся непонятными и громоздкими, а с другой стороны, спасти от чрезмерного увлечения иностранными словами: ведь в связи с развитием наук русский язык обогатился за счёт западноевропейских: польского, французского, голландского, итальянского, немецкого, но не всегда это было необходимо и способствовало ясности выражения мысли.

Даже Пётр I, распахнувший окно в Европу и являясь западником по своим взглядам в государственной политике, принял участие в защите русского языка от влияния Запада. Он пишет одному из своих послов приказ: «В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выражут невозможнo; того ради **впредь тебе реляции свои к нам писать российским языком**, не употребляя иностранных слов и терминов». Однако совсем нельзя было обойтись без иностранных терминов, особенно в науке, технике, военном деле, и замечательна инициатива властей — введение приёма дублирования слов в деловом и публицистическом стилях: рядом с иностранным словом ставить его старорусский синоним в скобках либо через союз или. Вот выдержки из некоторых документов: *адмиралу*, который *авантгарду* (передний строй) управляет, надлежит то-то и то-то; некоторые *акциденции* (доходы) получать; *эконому* (домоуправителю); в такой *дистанции* (расстоянии); *инструкции* (или приказание); *бараки* (или шалаши); *аркибузиран* (расстрелян), *банизированы* (или прокляты); *бухгалтер* (или книгодержатель); *пиониры* (или работники); которого бы *квалитеты* (или качества) с добродеянием были бы связаны; о *процессе* (или тяжбе); *камер-юнкер* (или комнатный дворянин), верных *патриотов* (сынов отечества), *армистициум* (или перемирие), *министра* (или боярина); о последующих *революциях* (отменах) и т. д.

Как видим, **наш язык** действительно сам разобрался, что к чему: какие-то иностранные слова сохранились до нашего времени (*бухгалтер, авангард, дистанция, процесс, патриот* — эти слова прочно вошли в нашу речь и не воспринимаются как иностранные), какие-то исчезли без следа (*акциденции, аркибулизировать, банизировать, армистициум*); а некоторые по дороге изменили своё значение (*бараки, пионеры, революция, министр*). Может быть, язык и сам разобрался! А может, и **не сам!** Нельзя не похвалить государственных мужей Петровской эпохи за просветительские стремления, за приобщение широких масс к изучению русского языка и изменений в нём. Славные наши предки не боялись и приказы издавать, и в спорах русский язык отстаивать, и гордиться им перед всем миром! Ведь это их стараниями русский язык стал языком всей нации, всех слоев русского общества, языком национального просвещения, величайшей литературы, величайшей духовности!

Не забудем этого!

Беседа 3. Шишков и Карамзин

Продолжим тему борьбы в русском обществе за чистоту русского языка, борьбы, которая, то затухая, то разгораясь с новой силой, тянется до наших дней.

Самым ярким эпизодом этого явления в русской жизни была борьба, развернувшаяся на рубеже XVIII—XIX вв. между так называемыми «карамзинистами» и «шишковистами».

Глава первого направления — выдающийся русский писатель, критик, историк, просветитель, теоретик и реформатор русского литературного языка **Николай Михайлович Карамзин**, который стремился очистить язык русской литературы от тяжёлых и устаревших славянизмов и церковнославянизмов, предлагал заменить их новыми словами — либо вновь образованными, либо заимствованными из иностранных языков. Это предлагалось для того, чтобы сделать язык современнее, легче, понятнее для широкого читателя, приблизить его к разговорной речи. Ведь, как считал Карамзин, старославянизмы подчас настолько непонятны для современного человека, что требуют перевода, как иностранные слова.

Идеологом другого направления был тоже выдающийся для своего времени человек — **Александр Семёнович Шишков** — адмирал, участник «морских походов», писатель, член, а затем президент Российской Академии наук, Министр просвещения России, государственный деятель, человек консервативных взглядов. Шишков считал, что основу русского языка составляет священный славянский язык с его обилием сложных слов (великолепие, олень роговетвистый), церковным ударением (жесток, д'ары, д'олжны), Е вместо ИО (Ё) — Петр вместо Пиотр (Пётр), твердо вместо твиордо (твёрдо) и т. д. Шишков стоял на страже русских истоков и защищал исконный язык как от грубого влияния улицы, так и от вторжения иностранных слов.

Карамзин же считал, что русский язык нуждается в реформе, в упрощении, в развитии (ввёл в оборот много новых слов — **влюблённость, будущность, промышленность**), в обогащении иностранными словами. Если Пётр Великий сделал нас европейцами, говорил Карамзин, и мы теперь живём так, как живут они, то и красоты нашей народной словесности должны уступить красотам общим; «первые изменяются, вторые вечны. Хорошо писать для России: ещё лучше писать для всех людей». В Россию хлынули потоком заимствования из английского — англицизмы, из французского — галицизмы, из немецкого — германизмы, из польского — полонизмы, а все вместе они красиво именовались **европеизмами**.

Этого не могли терпеть шишковисты: «Неопытность и мода наводнили наши книги бесчисленными иностранными выражениями. Таковая, можно сказать, дерзость достойна самой строгой критики». Заимствованные слова они называли *варваризмами*, имея в виду сразу все оттенки значения этого слова: чужестранцы, захватчики, грубо попирающие наши отечественные святыни. Зачем, возмущались шишковисты, говорить *декламация*, когда есть русское слово *возглашение*, вместо монотония — *одногласие*, вместо *характер* — *свойство*, вместо *симметрия* — *соразмерность* и т. д.

Один автор в предисловии к сделанному им переводу пьесы написал, что, любя природный язык, он все варваризмы заменил русскими словами:

актёр — действователь

инстинкт — естественность, природное стремление

компас — окружлец

партер — помост

суфлёр — поправлятель, напоминатель.

Карамзинисты в долгу не оставались и в отместку за варваризмы называли самодельные переводы шишковистов идиотизмами, а высмеивая их страсть к архаичным сложным словам, таким как быстромолниеное слово, триобоюдное острие, небопарный орёл, дуб сенолиственный, сочиняли на них пародии — длинногустозакоптелая борода, христогробопоклоняемая страна и т. д.

Журнал «Цветник» пишет: «Правило не вносить в язык ничего чужого и любовь к отечественному должны же иметь пределы. Дело совсем не в том, чтобы как-нибудь перевести иностранное слово: нет, надоно, чтобы перевод сей был не дик, ясен, вразумителен и критичен; надоно, чтобы переведённое слово было и равносильно подлинному и не противно не только одному рассудку, но вкусу и слуху».

С этим нельзя не согласиться. Но нам предстоит выслушать и другие мнения.

Беседа 4. Шишковисты и карамзинисты — кто с кем?

Итак, напомним: рубеж XVIII—XIX веков, русский язык, борьба за его чистоту: на одном краю противостояния реформатор Карамзин с лозунгом «**Очистим язык от старого славянского прошлого!**», на другом — блюститель неприкосновенности исконного русского языка Шишков с призывом «**Очистим язык от иноземных слов!**».

А интересно, кто же стоял за каждым из этих идеологов, какие известные исторические личности, **кто** и на **каких** баррикадах сражался? За Карамзиным были поэты первого лицейского призыва: Пушкин, Дельвиг, критик Белинский. В лагере славян — Сумароков, Тредиаковский, Шихматов и, что самое удивительное, — целая плеяда поэтов-декабристов: Павел Катенин, Фёдор Глинка, Кондратий Рылеев, Вильгельм Кюхельбекер. Друзья и единомышленники Пушкин и Кюхельбекер разошлись по разные стороны, а в лагере крепостника Шишкова, автора цензурного устава, именовавшегося в просвещённых кругах чугунным за его жёсткость, мы видим борцов с тиранией, певцов свободы! Настолько сильна была любовь к отечеству, к святым русским истокам, что поднималась **над** политическими разногласиями. А ведь Шишков был даже членом суда по делу декабристов, но справедливость требует отметить, что он добивался смягчения участии подсудимых, и не ему ли обязаны осуждённые по первому разряду, куда входил и Кюхельбекер, тем, что смертная казнь была им заменена каторгой и поселением в Сибири?

Рождённый в немецкой лютеранской семье, В. Кюхельбекер, человек энциклопедических знаний, изучавший иностранные языки и прекрасно знавший иностранную литературу, выше всего ценил русский язык, к достоинствам которого относил славянскую лексику, и выражал надежду на очищение в будущем русского языка от латинских, немецких и французских заимствований.

Он пишет в дневнике: «Люблю и уважаю прекрасный талант Пушкина... но... Мы, кажется, шли с 1820 года совершенно различными дорогами, он всегда выдавал себя (искренне или нет — это другое дело) за приверженца школы так называемых очистителей русского языка, а я вот уже 12 лет служу в дружине

славян под знамёнами Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шихматова». Да, именно Грибоедов, выдающийся писатель, автор бессмертных афоризмов, композитор, дипломат, пред-вестник декабристов, завлёт его идеей русской самобытности. Пушкин пытался друга образумить: «Какой злой дух, в виде Грибоедова, удаляет тебя в одно время от наслаждений истинной поэзии и от первоначальных друзей твоих?» Но Кюхельбекер на уговоры не поддавался и до конца остался верен славянской идеи и памяти Грибоедова, который презирал низкопоклонство перед Западом, называя это жалкой тошнотой по стороне чужой.

Ах! если рождены мы всё перениматъ,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод,
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев!

Грибоедов, например, предлагал заменить новое тогда греческое слово *лабиринт* на *блуждалище*.

А что же Пушкин? Придя в литературу в счастливое время, на почву, подготовленную предшествующими литераторами, и особенно Карамзиным, расчистившим завалы в языке, Пушкин, отдав дань Ломоносову и Державину, с восторгом принял реформы Карамзина и, наделённый великим талантом, ушёл вперёд от него, как писал Белинский, «на целые века». Как часто высмеивал он шишковистов за их боязнь иностранных слов. Вот пример из «Евгения Онегина», о Татьяне Лариной:

Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей.
Всё тихо, просто было в ней.
Она казалась верный снимок
*Du comme il faut ...*Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.

Или:

... но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу

Зовётся *vulgar* (не могу...
Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.

Пушкин считал, что иностранные слова в переводе зачастую звучат беднее: «Чуждый язык распространяется не саблею и пожаром, но собственным обилием и превосходством». Однако,

будучи активным сторонником реформ Карамзина, Пушкин не мог не отметить в самом «новом» литературном слоге (не в отдельных словах), который культивировала «карамзинская школа», явных признаков «устаревания», потому что это был слог, соответствующий вкусу высшего общества, а точнее, вкусу «милых дам». Это был язык, далекий от русской жизни, являвшийся, по меткому выражению Грибоедова, «смешенье французского с нижегородским», поэтому зачастую носивший черты «европейского жеманства и французской утонченности». Не совпадая ни с шишковистами с их «старым» слогом, ни с карамзинистами с их «новым» слогом, Пушкин призывал искать источник развития русского литературного языка главным

образом в языке народа. И дело не в том, чтобы запретить слова и обороты, которые не нравились либо тем, либо другим, а в том, чтобы выражаться точно и понятно, искренне и просто и писать на «языке большинства нации, не подвергшемся засорению и искажению».

Если проследить дальше линию борьбы, то, хотя и с меньшей остротой, она продолжалась всегда и переросла позднее в борьбу западников и славянофилов. Продолжается и по сей день! Тому доказательства — отчаянные споры по поводу Закона о языке, высказывания учёных, писателей, письма простых людей, озабоченных состоянием и судьбой родного языка.

Каковы же **наши** выводы? Об этом поговорим в самом конце книги.

А пока дадим слово нашим авторам, которые представляют ситуацию с заимствованными словами в разных аспектах, коснувшись в том числе и того факта, что сам-то русский язык тоже может выступать в качестве заимствованного — для народов других стран.

||

О ЗАИМСТВОВАНИЯХ ОТ... И ДО...

Наши замечательный язык — русский язык — является одним из тех богатств, которыми гордится наша страна, таких как неисчислимые полезные ископаемые — нефть, золото, алмазы, уникальные природные объекты — Волга, Иртыш, Байкал, и особенно бескрайние лесные пространства. Русский язык — как лес — такой же мощный, такой же величественный, такой же богатый, такой же подчас неизведанный, где наряду с ясными солнечными полянами встречаются глухие непроходимые дебри, таящие много загадочного и непонятного и ждущие своих разгадок. Ну, к примеру, как объяснить, что слово *преданный* в зависимости от контекста имеет два резко противоположных значения: *преданный* идеалам свободы (верный) и *преданный* бывшими друзьями (обманутый)? Или как случилось, что выражение *кричать благим матом* (кричать громко, истошно) сочетает в себе «несочетаемые» слова *благой* (добрый, хороший) и *мат* (грубая непристойная брань) и в итоге по своему значению не совпадает ни с одним из составляющих это выражение слов?

Но это так, вам для общего размышления, чтобы не забывали, какой непостижимый до конца наш русский язык — как лес! И такой же прекрасный, такой же вечный и живой!

А у нас речь сегодня об узком и конкретном вопросе — заимствованных словах в русском языке. И рассмотрим этот вопрос не спеша, начиная с малого и постепенно добираясь до более сложного, словно гуляя по лесу *от* самой опушки с мелкой порослью *до* густой чащи с вековыми деревьями.

Итак, в путь!

ПО ДОРОГЕ К ЛЕСУ...

Прежде чем приступить непосредственно к разговору о заимствованных словах в русском языке, поговорим о причинах этого явления — ведь у всего есть причины, и о внешних проявлениях «иностранных», т. е. о тех признаках, по которым сразу можно определить, какое слово перед нами — русское или пришедшее из дальних стран.

Беседа 5. Причины заимствований

Поговорим о причинах заимствования слов. Первой и основной причиной заимствования слов является взаимодействие народов друг с другом.

Русский народ в процессе своей истории имел разнообразные (политические, экономические, культурные) связи с народами всего мира. Результатом этого явились многочисленные иноязычные слова, заимствованные русским языком.

Так, с древнейших времен славяне торговали, воевали, мирились с финно-угорскими, балтийскими племенами (соседями славян на севере), тюркскими племенами (соседями славян на юге и востоке), с Византией, соседствовавшей со славянами на юге, и многими другими народами.

Результатом такого соседства стало появление в языке славян заимствованных слов из финского, тюркского и греческого языков. Из финского в язык славян пришли слова *килька, семга, камбала, тундра, пурга, пихта, морж, пельмени* и др., из турецких языков (главным образом из татарского языка) — *алый, барсук, башка, богатырь, башмак, тулул, сундук, лапша, лошадь, табун, сарай, каблук, караул* и др. из греческого языка — *корабль, парус, свекла, скамья, ладан, лазурь, уксус* и др.

Кроме того, в языке славян появились также слова из скандинавских языков (*крюк, ларь, кнут, варяг, пуд, сельдь*). Эти слова пришли вместе с норманнами, обитателями Скандинавского полуострова, Дании и Северной Германии, постоянно совер-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru